

УДК 123: 316.3

Е.В. Кармазина

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ В СОЦИАЛЬНО-СИСТЕМНОМ АСПЕКТЕ

Представлена концепция сложной и противоречивой взаимосвязи свободы с безличными объективированными аспектами социальной жизни, которые обобщенно именуются социальной системой. Изложенная в статье интерпретация идеи свободы осуществляется в рамках субъект-объектной теоретической схемы. Взаимосвязь личности и системы рассматривается с позиции единства субъектных и объектных начал. Свобода исследуется в ее «внесистемном» и «системном» качестве.

Ключевые слова: свобода, субъект, объект, субъектность, самоотждество, само-реализация, самопричинность, социальная система, социальный институт.

Тема свободы, одна из наиболее фундаментальных в культуре, требует обращения к анализу диалектики индивидуально-личностного и социального аспектов человеческой жизни. Несмотря на декларированную в XX в. «смерть субъекта», главным персонажем философии свободы по-прежнему остается инстанция «субъект» (концепт субъекта), трактуемый в современной философии в широком антропологическом и социально-практическом значениях. В новоевропейской интерпретации субъект есть «под-лежащее» [1. С. 48], инстанция, образующая основание познания и практической деятельности, поскольку во внутриличностном аспекте выполняет функции внутренней центрации («самособирания») и целеполагания. Это «под-лежащее», фактор внутренней целостности, создающий потенциал самопричинности личности, может быть понято как ее «основание в себе». Концепт субъекта в его современном смысле выражает также идею активности и так называемой «не-фактивности» личности, ее незавершенности, открытости, в конечном итоге, – свойств, обуславливающих способность самопричинности, внутренней активности, потенциал самосознания, целеполагания и творчества. Все содержательные и эвристичные определения свободы осуществляются в пространстве и предметном поле субъектности, в ее противопоставлении объектности и объективации. Вместе с тем основополагающий тезис современной парадигмы субъектности заключается в том, что любая попытка представить субъектность вне связи с объектностью, как царство свободы духа, победившей «падший», «плоский» объективированный мир, обречена на неудачу. Теоретическая концепция субъектности может быть выстроена исключительно на фундаменте противоположных ей объектных начал и во взаимосвязи с ними.

В современных теоретических дискурсах среди направлений концептуализации свободы, непосредственно связывающих свободу (субъектность) с социально-системными факторами объектности и объективации, основополагающими являются следующие.

Проблематика самоощущения (императивы «быть самим собой», «необходимость себя»), в которой акцентирован вопрос о личности в ее внутренней определенности как потенциально главной «инстанции свободы», носителя личностной автономии. Соответственно, на первый план в данной предметной области выдвигаются темы самосознания и внутренней структурности личности, факторов ее целостности и фрагментарности, индивидуальности и, наоборот, «дивидуальности» применительно к возможностям ее самоопределения. Это проблематика, смысловое ядро которой образует исследование личности по схеме «основание в себе» «основание в ином», в первую очередь актуализирует тему «основания в себе» личности и вопрос о ее «собирающих началах», основаниях внутриличностной интеграции. Логика осмысления второго полюса персональности «основания в ином» требует исследования не только интересубъективного контекста личностного самобытия (Я и Другой), но и объективированных институциональных социально-системных структур, задающих субъект-объектный, «интеробъективный» контекст человеческой жизни. Вопрос о сущности социальной системы и ее роли в индивидуальной душе, в самосознании личности начинает выдвигаться на первый план. К этому идейному комплексу непосредственно примыкает тема соотношения индивидуально-личностных и внеличностных, трансперсональных аспектов субъектности, образующая одну из «вечных» тем философии свободы.

Проблематика самореализации. При всей относительности противопоставления выделяемых аспектов самоопределения (субъектности), именно в этой предметной области акцентируются многообразные аспекты свободы действия, потенциал «внешней определенности» субъекта. Главные императивы здесь – целедостижение, «необходимость дела». Любая сколько-либо развитая деятельность осуществляется в социально-структурированных формах. Социально-системный аспект продуктивной деятельности актуализируется и оформляется в предметную область исследования, которая может быть обозначена в понятийной оппозиции «свобода деятельности» – «организация деятельности» (свобода и организация, по Б. Расселу). Вся сопутствующая тематика разделения труда, отчуждения, объективации и реификации, функциональности и «частичности» индивида в контексте социально-системных отношений образует одно из основных направлений современной философии свободы.

Вне обращения к осмыслению основ системной теории и социально-системной феноменологии философия свободы в значительной степени утрачивает потенциал актуальности, своего рода смысловой стержень, поскольку нарастание напряжения противоречия по линии «необходимость себя» – «необходимость дела» наиболее пронизательные исследователи оценивают в качестве главного вызова современной цивилизации.

Философия свободы проблематизирует сущность и онтологический статус многообразных объективированных феноменов социально-системного бытия – социальных институтов (семья, корпорация, государство, право, товарно-денежная рыночная структура, система образования, финансово-денежная система и т.д.), образующих своего рода «каркас» общества («форму», «структуру») и задающих основные параметры содержания и направле-

ния деятельности людей. Данные безличные сущности образуют в своем функционировании и развитии некую целостность, «систему», которая обретает зримые черты субъектного бытия (собственные потребности и цели, логику «внутренней необходимости» развития, своих «агентов влияния» и т.д.). Задача соотнесения двух «инстанций», действующих на поле общественной жизни (личности и системы), продолжает логику анализа индивидуальности / тотальности с ее проблематикой части и целого, органа и организма, в пределе – субстрата и субъекта. Соотнесение этих «инстанций» развивает и предельно обостряет противоречия концептов личностной автономии (самоопределения Я-субъекта), с одной стороны, и самоорганизации социума через процессы ролевой функционализации людей – с другой. В данном контексте актуализируется проблематика определения «подлинно человеческого» в сопоставлении и противопоставлении экзистенциальных и социально-системных модусов человеческой жизни, что образует одну из основных линий концептуализации свободы в современной философии. Главным направлением исследования свободы в этой предметной области становится диалектика персонализации/деперсонализации, личных и безличных начал человеческой жизни, представленных в тенденциях субъективации и объективации.

Помимо указанных выше направлений исследования экзистенциальных и социально-системных начал, проблемное поле «система и личность» одним из своих наиболее значимых аспектов имеет ставшую уже классической тему отчуждения, которая в современной философии представлена во множестве вариаций, но сохраняет смысловое ядро, непосредственно релевантное идее свободы. В своем наиболее общем, исторически оформившемся смысле отчуждение маркирует отношения субъекта и объекта в их «переворачивании», «перестановке», иначе говоря, инверсии, которая превращает объектные сущности, производные от человеческого сознания и человеческой деятельности, в автономные силы, не только независимые от сознания и воли людей, но и подчиняющие своей безличной логике их жизнь, сознание и волю. Именно в отношении системы «социального порядка» и его модусов (норм, ролей и институтов) с наибольшей очевидностью проявляется данная субъект-объектная «инверсия»: люди подчинены системным модусам (объектным сущностям) как внешним и чуждым силам, задающим основные параметры их жизнедеятельности; они воспринимают позицию (статус) системных модусов по отношению к себе как «власть», «господство» и «тиранию». Соответственно, проблематика свободы и освобождения в ее современном смысле включает концептуализацию взаимосвязи личности и системы в аспекте отчуждения/присвоения (чужого/своего) в их неоднозначном и многомерном «переплетении».

В своей социальной жизни люди находятся, условно говоря, в двух измерениях, сущность которых может быть выражена в формулировках «человек и люди» и «человек и социальные роли». Первое измерение образует область субъект-субъектных отношений, сферу межличностного взаимодействия, которая в настоящее время все чаще обозначается терминами «интерсубъективность» и «жизненный мир». Второе измерение обобщенно именуется «системой» и маркирует значение в человеческой жизни безличных объектных феноменов (социальные нормы, роли, институты), рождаемых в макросоциаль-

ных процессах и закономерностях, но с необходимостью представленных в индивидуальной жизни каждого человека, его самосознании и личной судьбе. При всей значимости в идейном комплексе свободы проблематики индивидуального самосознания и персонального самоощущения свобода не может быть сколько-либо адекватно понята только через осмысление факторов сознания и самосознания. Она не может быть выстроена в логике «чистой субъективности», в жизненных стратегиях, выражающих «необходимость себя». Равно невозможна концептуализация свободы исключительно в смысловом пространстве субъект-субъектных отношений, «интерсубъективности», «жизненного мира», оформляющих социальность преимущественно в сферу личных отношений «Я и Другой». Нелепо было бы отрицать значение субъект-субъектного аспекта социального взаимодействия с точки зрения личностного развития и самоосуществления, самосознания и самореализации – в конечном итоге, свободы. Однако именно эта – межличностная, интерсубъективная сторона социальной реальности и социальных отношений в последнее столетие была настолько акцентирована и возвышена в антропологических и социально-философских текстах, что полностью заслонила другую сторону социального взаимодействия – безличную, объективную, представленную в многообразных феноменах объектности и объективации – образно говоря, «интеробъективность». Между тем исследование свободы требует анализа обеих реально существующих сторон социального взаимодействия. Невозможно ограничиться в исследовании человеческой жизни и свободы «возвышающим» принципом персонализации при игнорировании факторов деперсонализации, которые якобы только унижают людей, маркируют их «частичность» и анонимность, разрушая, таким образом, все «подлинно человеческое» содержание их жизни. Необходим более взвешенный и сбалансированный подход к исследованию обеих сторон социальной реальности, последовательное противопоставление которых правомерно только в теоретической абстракции

Свобода не может пребывать исключительно в сфере духа. Для того, чтобы обрести реальность, она должна укореняться в предметности мира и бесконечном многообразии предметной деятельности, испокон веков образующих родовые сущностные основания человеческой жизни и выражающих, образно говоря, «необходимость дела». Действие, дело, целедостижение – это наиболее жесткий и жестокий императив, определяющий жизнедеятельность людей и выстраивающий ее в логике «объективной необходимости». Однако мир производства, деятельности в его реальном значении для людей не выступает лишь в качестве «неизбежного зла», демонической сущности, отчужденного монстра, который обеспечивает людям хлеб и кров, но взамен забирает их души. При всех тяготах повседневного труда и бесчисленных жертвах, приносимых людьми «на алтарь» хозяйства, экономики, формальной рациональности и экономической эффективности, именно мир предметной деятельности исторически развивает и несет в себе потенциал всего «подлинно человеческого» мышления, знания, самосознания, творчества, индивидуализации и, в конечном итоге, свободы.

В социально-системном контексте субъектность личности опирается на объективации действия и знания, на оформляющие действие и знание соци-

ально-системные структуры – социальные нормы, роли и институты. Эти социально-системные модусы, отчужденные безличные начала социальности принципиально амбивалентны в их значении для человеческой жизни. В них представлена тирания анонимных социальных отчужденных структур – «сил единого и подобного» (универсального и безличного) – как неоднократно отмечали теоретики философии различия, развивающие идею «чистой субъективности» и свободы, трактуемой только в ее «внесистемном» качестве. Но в этих же системных модусах представлена и единственно возможная опора свободы – индивидуально-личностной субъектности, подразумевающей самоопределение и самореализацию. Институциональная, т.е. зафиксированная в социальных нормах и институтах (социальных объективациях) свобода представляет собой реальное воплощение и необходимое условие свободы субъективной. Классическая антиномия свободы и необходимости предстает в виде неумолимой дилеммы: институциональность социума потенциально угрожает свободе личности, но свобода личности потенциально возможна только в формах институциональности. Только совмещение противоположностей субъективации и объективации может обеспечить понимание свободы.

В отношении к социальной системе свобода выступает в двух основных аспектах – системном и внесистемном качестве. Внесистемная свобода в своей концептуализации преимущественно обозначает область индивидуальной автономии в смысле «свободы от» (часто именуемой негативной свободой), а со стороны содержания, в плане «позитивных» характеристик, фиксирует уникальность индивидуально-личностной экзистенции и неповторимость личной судьбы. Здесь проявляется доминанта принципа различия, как правило, присутствуют императивы личностного развития как обособления и индивидуации. В такой интерпретации внесистемная свобода трактуется весьма широко и вбирает в себя, наряду с потенциальным многообразием творческих возможностей, произвол радикального Я («делаю, что хочу») со всеми сопутствующими проявлениями аморальности. Пафос внесистемной свободы определяется возвышением субъективных начал человеческой жизни, богатства и глубины внутреннего мира личности, что проявляется и в межличностном взаимодействии, в контексте диалоговой коммуникации. Эта персоналистическая ценностная установка закономерно присутствует в общей гуманистической ценностной парадигме, но почти однозначно порождает негативную оценку социально-системных начал, для которых характерны объективно заданные императивы «частичности» и функциональности индивидуальной жизнедеятельности, которые всегда утверждают принцип персональной частичности.

Концепция системной свободы исходит из того, что система по отношению к личности выступает не только как набор предписаний (ограничений и требований), но и в качестве набора ресурсов, «поля возможностей», вне которого самореализация и развитие личности практически неосуществимы. Мотивация «самоосуществления» есть связующее звено между личностью и системой, механизм, обеспечивающий потенциал интеграции личности в систему. Соответственно, личность в контексте системных влияний никогда не рассматривается исключительно в своем объектном (функциональном) каче-

стве, также акцентируется и субъектная составляющая системно организованной социальной деятельности.

Общий принцип «системной» свободы проявляется также в двойственном статусе культуры, совмещающем социально-системное и индивидуально-личностное начала в режиме их «взаимопроникновения» [2. С. 90; 3. С. 459] и взаимного обусловливания. По отношению к личности культура представляет собой нечто внешнее и одновременно внутреннее. В культуре человек проявляет себя как объект и субъект, как часть и целое, как «инстанция» зависимая и «инстанция» самоопределяющаяся. В этом плане принцип «системной» свободы актуализирует проблему меры – это понятие классической философии может служить для обозначения сфер, способов и форм совмещения указанных выше противоположностей. Для каждого человека культура, как и система в целом, есть одновременно принуждение и свобода, внешняя безличная сила и поле личных возможностей, постоянная угроза самобытию личности (в качестве стандартов и правил, норм и ценностей) и необходимая опора личностного самобытия, источник «ресурсов» и способ личностного самовыражения и самореализации. Принцип «системной» свободы требует именно меры конформизма и нигилизма – принципов «быть, как все» (акцентирующего «тождество») и «быть самим собой» (выдвигающего на первый план значение индивидуальности, «различия»). Эта мера всегда уникальна в зависимости от исторических, социальных и личных «обстоятельств». Вместе с тем нарушение равновесия в столь сложном, тонком, и фундаментально значимом вопросе – о степени «согласия» личности с нормами и ценностями культуры – всегда чревато разрушением, деструкцией и деградацией. Каждый человек в своем отношении к культуре и системе потенциально выстраивает (далеко не всегда осознанно) стратегии поведения в логике совмещения начал конформизма и нигилизма (согласия и отрицания, «тождества» и «различия»). Как правило, люди стремятся найти меру в таком совмещении противоположностей, и каждая личная судьба в определенном смысле образует свою уникальную меру этих противоположных начал.

Ни одной из противоположных культурных и жизненных стратегий обеспечения системной свободы невозможно «пожертвовать». Нельзя избавиться от потенциального «бунтарства» и нигилизма субъективного духа, зафиксировав ценности культуры в их социально-объективированном «инобытии» и безусловности авторитета. Равно недопустимо безмерное возвышение индивидуальности, ее «культ», который развивается в нарциссизм «властвующего Я», не признающего для себя никаких сдерживающих и обязующих начал, репрезентируемых объективированной системой и культурной традицией. Интеграция индивида в систему может превратиться в «порабощение личности» и «тиранию системы», но только в том случае, если мера противоположных начал – конформизма и нигилизма, «тождества» и «различия» – в персональной идентичности нарушена. «Растворение» индивида в системе, полное отождествление себя в самосознании с системными модусами и отсутствие по отношению к ним внутренней дистанции создают ситуацию деперсонализации и духовного рабства. В норме отношения системы и личности принципиально амбивалентны. Индивид участвует в создании социального порядка как необходимого условия собственной жизнедеятельности,

интегрирующего факторы объектности и субъектности. Социальный порядок ограничивает возможности личностной самореализации в логике нормативности и функционально-ролевой «частичности», но одновременно радикально расширяет возможности самореализации, поскольку представляет собой путь от индивидуального к универсальному и всеобщему, а также доступ к ресурсам, формируемым не в масштабе личной судьбы и личных отношений «интерсубъективности», а в масштабах человечества. Внутренний мир личности несравненно богаче и сложнее отчужденного мира объективированных сущностей, однако обратный тезис тоже верен: объективированный мир системных и культурных феноменов несравненно богаче и сложнее индивидуальной экзистенции. Просто это разные измерения богатства и сложности. Не отсутствие системы – «социального порядка» создает свободу индивида. Индивидуальную свободу создает присутствие такого социального порядка, который «усложняет жизнь» и требует от индивида рефлексивности и внутренней сложности. Такой социальный порядок, акцентируя необходимость самостоятельного мышления, выбора и решения, стимулирует развитие внутриличностных «инстанций», способных обеспечить «самостояние» личности и обеспечивает внутренний потенциал свободы.

Литература

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
2. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 2-е изд. 880 с.